

Н Е О Н О В О Е
Л Е Т О

КОЛЛЕКЦИЯ
БЕСТСЕЛЛЕРОВ

R. F. KUANG

BABEL

OR

THE NECESSITY OF VIOLENCE

*an Arcane History of Oxford
Translators' Revolution*

Ребекка Куанг

ВАВИЛОН

ИЛИ

НЕОБХОДИМОСТЬ НАСИЛИЯ

*Сокрытая история революции
оксфордских переводчиков*

Москва
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К88

R. F. Kuang
BABEL: AN ARCANES HISTORY

Copyright © 2022 by R.F. Kuang

Публикуется с разрешения автора и её литературных агентов —
Liza Dawson Associates, США, при участии Агентства
Александра Корженевского, Россия

Куанг, Ребекка.

К88 Вавилон. Сокрытая история / Ребекка Куанг ; [перевод с английского Н. Рокачевской]. — Москва : Эксмо, 2024. — 640 с.

ISBN 978-5-04-202445-0

Вавилон — престижный Королевский институт переводов Оксфордского университета — является мировым центром не только переводов, но и магии. Именно здесь зачаровывают серебряные слитки, позволяющие открыть потерянные при переводе смыслы. Такая уникальная сила наделила Британскую империю невиданной властью, а исследования Вавилона в области переводов и иностранных языков позволили развивать масштабную внешнюю политику.

Робин Свифт потратил многие годы на изучение языков, чтобы поступить в Королевский институт. Учеба в Оксфорде для него — это утопия, наполненная знаниями. Однако, познакомившись с тайным обществом «Гермес» и поняв, какой властью обладают эти знания, Робин приходит к выводу, что служение Вавилону означает служение Империи. Теперь он стоит перед выбором...

Но можно ли изменить могущественные институты изнутри без насилия или революция всегда требует жертв?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-202445-0

© Н. Рокачевская, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Беннету,
воплощению света и радости*

*Заметки автора
об исторической Англии и, в частности,
об Оксфордском университете*

Проблема романа об Оксфорде в том, что каждый, кто там учился, будет тщательно изучать текст, чтобы определить, совпадает ли ваше описание Оксфорда с воспоминаниями читателя об этом месте. Совсем плохо, если вы — американский писатель, ведь американцы вообще ничего не знают. Скажу в свою защиту следующее.

«Вавилон» — это художественное произведение, и речь в нем идет о фантастической версии Оксфорда 1830-х годов, чья история изменена серебряных дел мастерами (об этом я расскажу уже очень скоро). И все же я пыталась описывать жизнь викторианского Оксфорда как можно правдивее, в соответствии с историческими летописями, и вводить выдуманные элементы, только когда это необходимо для сюжета. Для описания Оксфорда начала XIX века я полагалась на интереснейшую книгу Джеймса Мура «Исторический справочник и путеводитель по Оксфорду» (1878 г.), а также на «The History of the University of Oxford» под редакцией М. Брока и М. Кертойса, тома VI и VII (1997 г. и 2000 г. соответственно).

Для изучения языка и общей картины жизни (например, оксфордского сленга начала XIX века, который сильно отличается от современного оксфордского сленга)¹ я ис-

---

¹ Например, живя в Оксфорде, я никогда не слышала, чтобы Хай-стрит называли просто «Хай», однако Дж. Кокс утверждает обратное.

пользовала такие источники, как «A History of the Colleges, Halls, and Public Buildings Attached to the University of Oxford, Including the Lives of the Founders» Алекса Чалмерса (1810 г.), «Recollections of Oxford» Дж. Кокса (1868 г.), «Reminiscences: Chiefly of Oriel College and the Oxford Movement» (1882 г.) Томаса Мозли и «Reminiscences of Oxford» У. Таквелла (1908 г.). Поскольку художественная литература также может многое рассказать о жизни, по крайней мере о том, какой ее воспринимали современники, я также использовала детали из таких романов, как «The Adventures of Mr. Verdant Green» Катберта Бида (1857 г.), «Том Браун в Оксфорде» Томаса Хьюза (1861 г.) и «Пенденнис» Уильяма Теккерея (1850 г.). Во всем остальном я полагалась на собственные воспоминания и воображение.

Тем, кто знаком с Оксфордом и готов воскликнуть: «Нет, все совсем не так!», объясню некоторые нюансы. Дискуссионное общество Оксфордского университета¹ было создано лишь в 1856 году, так что в этом романе упоминается его предшественник, появившийся в 1823 году. Мое любимое кафе «Кладовые и сад» не существовало до 2003 года, но я провела в нем столько времени (и съела так много сдобных булочек), что не могла лишиться Робина и компанию этого удовольствия. Насколько мне известно, в Оксфорде нет паба «Крученный корень».

На Винчестер-роуд нет магазина «Тейлорз», хотя я очень люблю «Тейлорз» на Хай-стрит. Памятник оксфордским мученикам действительно существует, но его строительство было окончено только в 1843 году, через три года после завершения этого романа. Я немного сдвинула дату возведения памятника ради забавной отсылки. Коронация королевы Виктории состоялась в июне 1838-го, а не 1839 года. Железнодорожная линия Оксфорд — Паддингтон была проложена только в 1844 году, но здесь она построена на несколько лет

---

¹ Студенческое сообщество дебатов в Оксфорде. Является одним из старейших студенческих сообществ Великобритании и одним из самых престижных частных студенческих сообществ в мире.

раньше по двум причинам: во-первых, потому что это имеет смысл, учитывая альтернативную историю; а во-вторых, потому что мне нужно было быстрее доставить моих героев в Лондон.

Я позволила себе много художественных вольностей при описании благотворительного бала, который гораздо больше похож на современный майский благотворительный бал в Оксбридже, чем на викторианское светское мероприятие. Например, я знаю, что устрицы были основным продуктом питания викторианской бедноты, но решила сделать их деликатесом из-за моего первого впечатления от майского бала 2019 года в колледже Магдалины в Кембридже — груды устриц со льдом. Я не взяла с собой сумочку и жонглировала телефоном, бокалом шампанского и устрицами в одной руке, в результате чего пролила шампанское на красивые туфли одного пожилого мужчины.

Некоторых читателей может озадачить место размещения Королевского института перевода, также известного как Вавилон. Это потому, что я исказила географию, дабы найти для него место. Представьте зеленый островок между Бодлианской библиотекой, Шелдонским театром и Камерой Рэдклиффа. Увеличьте его и поставьте Вавилон прямо в центре.

Если вы обнаружите другие несоответствия, помните, что эта книга — художественный вымысел.

ЧАСТЬ I

Глава 1

Que siempre la lengua fue compañera del imperio; y de tal manera lo siguió, que juntamente comenzaron, crecieron y florecieron, y después junta fue la caída de entrambos.

Язык был неизменным спутником империи, они зарождались вместе, вместе развивались и процветали, их крушение тоже произошло одновременно.

Антонио де Небриха.

Грамматика испанского языка

К тому времени как профессор Ричард Ловелл нашел путь по узким переулкам до нужного адреса, уже слегка выцветшего в его блокноте, в доме остался в живых только мальчик.

Воздух был спертым, а пол — скользким. У кровати стоял наполненный до краев кувшин с водой. Поначалу мальчик слишком боялся, что его вырвет, и не пил, а потом обессилен настолько, что не мог поднять кувшин. Мальчик был еще в сознании, хотя погрузился в туман полузабытья. И он знал, что скоро глубоко уснет и уже не проснется. Неделю назад это случилось с его дедушкой и бабушкой, на следующий день — с тетей и дядей, а еще через день — с англичанкой, мисс Бетти.

Утром скончалась его мать. Он лежал рядом с телом, глядя, как ее кожа синееет и багровеет. Последним она произнесла имя сына — два слога, прошептанные совсем без дыхания. Потом ее лицо стало безжизненным и перекосилось. Язык вывалился изо рта. Мальчик попытался закрыть ее потускневшие глаза, но веки постоянно поднимались обратно.

Когда профессор Ловелл постучал, никто не ответил. Никто не вскрикнул от удивления, когда он пинком вы-

шиб дверь — она была заперта, потому что воры, пользуясь чумой, полностью обчистили соседские дома, и хотя в их доме было мало ценного, мальчик с матерью хотели получить несколько часов покоя, пока их не заберет болезнь. Мальчик услышал шум, но ему было все равно.

К тому времени он уже хотел только умереть.

Профессор Ловелл поднялся по лестнице, пересек комнату и долго стоял около мальчика. Мертвую женщину в кровати он не заметил (или решил не замечать). Мальчик тихо лежал в его тени, гадая, не собирается ли этот высокий бледный человек в черном вырвать его душу.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил профессор Ловелл.

Мальчику было слишком тяжело дышать, и он не смог ответить.

Профессор Ловелл опустился на колени у кровати. Затем вытащил из нагрудного кармана тонкую серебряную пластину и положил на обнаженную грудь мальчика. Тот вздрогнул — металл обжигал как лед.

— Triacle, — произнес профессор Ловелл по-французски. И добавил по-английски: — Исцеление.

Пластина засияла бледным белым светом, и непонятно, откуда донесся странный звук — не то звон, не то пение. Мальчик взвыл и свернулся калачиком на боку, озадаченно облизывая губы.

— Смирись, — пробормотал профессор Ловелл. — Проглоти этот вкус.

Текли секунды. Дыхание мальчика успокоилось. Он открыл глаза. Теперь он мог лучше рассмотреть профессора Ловелла, его светло-серые, как сланец, глаза и нос с горбинкой — из тех, что называют «ингоуби», то есть орлиный, такие бывают лишь у чужеземцев.

— А сейчас как ты себя чувствуешь? — спросил профессор Ловелл.

Мальчик снова сделал глубокий вдох. А потом ответил на удивительно неплохом английском:

— Сладость... На вкус так сладко...

— Хорошо. Значит, получилось. — Профессор Ловелл спрятал серебряную пластину обратно в карман. — Кто-нибудь еще выжил?

— Нет, — прошептал мальчик. — Только я.

— Ты хотел бы что-нибудь отсюда забрать?

Мальчик некоторое время молчал. На щеку его матери села муха и поползла к носу. Мальчик хотел смахнуть ее, но не нашел сил, чтобы поднять руку.

— Тело я забрать не могу, — сказал профессор Ловелл. — Только не туда, куда мы отправляемся.

Мальчик долго не сводил взгляда с матери.

— Мои книги, — наконец сказал он. — Под кроватью.

Профессор Ловелл нагнулся и вытащил из-под кровати четыре толстых тома. Книги на английском с потрепанными от частого использования корешками, некоторые страницы настолько истерлись, что буквы были уже едва различимы. Профессор пролистал их, невольно заулыбавшись, и положил в сумку. Затем он просунул руки под хрупкое тельце мальчика и вынес его из дома.

В 1829 году болезнь, позже названная азиатской холерой, начала свое путешествие из Калькутты, пересекла Бенгальский залив, сначала оказавшись в Сиаме, затем в Маниле, и, наконец, прибыла на берега Китая на торговых судах, и истощенные моряки с запавшими глазами испражнялись прямо в Жемчужную реку, загрязняя воду, в которой тысячи людей стирали белье, мылись, плавали и пили. Болезнь накрыла Кантон, как приливная волна, быстро распространившись от доков в жилые районы дальше от берега. Квартал, в котором жил мальчик, был заражен в течение нескольких недель, целые семьи погибали в своих домах, не дождавшись помощи. Когда профессор Ловелл вынес мальчика из закоулков Кантона, все остальные на улице уже умерли.

Мальчик узнал все это, когда очнулся в чистой и светлой комнате на английской фактории, накрытый одеялами, мягче и белее которых в жизни не видал. Уже одно это слегка его успокоило. Ему было ужасно жарко, а язык казался плот-

ным и шершавым камнем. Мальчик как будто парил над собственным телом. Всякий раз, когда профессор начинал говорить, в висках мальчика стреляла боль, сопровождающаяся красными вспышками перед глазами.

— Тебе очень повезло, — сказал профессор Ловелл. — Болезнь убивает почти всех, к кому прикасается.

Мальчик заворуженно уставился на вытянутое лицо и светло-серые глаза чужестранца. Если чуть отвести взгляд, тот казался гигантской птицей. Вороном. Нет, хищной птицей. Зловещей и сильной.

— Тебе понятно, что я говорю?

Мальчик облизал потрескавшиеся губы и пробормотал что-то в ответ.

Профессор Ловелл покачал головой:

— По-английски. Говори по-английски.

Горло у мальчика горело. Он закашлялся.

— Я знаю, ты говоришь по-английски. — Голос профессора Ловелла звучал как предупреждение. — Так давай говори.

— Моя мама, — выдохнул мальчик. — Вы забыли мою маму.

Профессор Ловелл не ответил. Вскоре он встал и перед уходом отряхнул колени, хотя вряд ли за несколько минут на них могла собраться какая-то пыль.

На другое утро мальчик сумел выпить миску похлебки, и его не стошнило. А на следующее уже стоял, не испытывая сильного головокружения, хотя коленки так сильно дрожали, что пришлось схватиться за изголовье кровати, иначе он упал бы. Жар спал, вернулся аппетит. Когда мальчик снова проснулся, уже ближе к вечеру, то обнаружил вместо миски тарелку с двумя толстыми ломтями хлеба и куском ростбифа. Мальчик так проголодался, что ел руками.

Днем он в основном погружался в лишенную снов дремоту, которая регулярно прерывалась появлением жизне-радостной и пухленькой миссис Пайпер: она вытирала ему лоб прохладной влажной тряпицей и говорила по-английски с таким странным акцентом, что мальчику несколько раз пришлось просить ее повторить.

Когда он попросил об этом в первый раз, она хихикнула:
— Боже ж мой, да ты небось отродясь не встречал шотландца.

— Шотландца? А кто это?

— Не волнуйся. — Она похлопала его по щеке. — Ты очень скоро узнаешь, что такое Великобритания.

В тот вечер миссис Пайпер принесла ему ужин, снова хлеб с мясом, а также новости о том, что профессор хочет видеть его у себя в кабинете.

— Это наверху. Вторая дверь справа. Поешь сначала, он никуда не денется.

Мальчик быстро поел и оделся с помощью миссис Пайпер. Он не знал, откуда взялась одежда — европейская, но на удивление отлично сидящая на его тощей невысокой фигуре. Он был слишком слаб, чтобы о чем-то расспрашивать.

Поднимаясь по лестнице, он дрожал, не то от усталости, не то от предвкушения, кто знает. Дверь в кабинет профессора была закрыта. Мальчик помедлил, чтобы перевести дыхание, и постучал.

— Входите, — отозвался профессор.

Деревянная дверь оказалась тяжелой. Мальчику пришлось навалиться на нее, чтобы открыть. Внутри в ноздри ударил густой мускусный запах книг. Они громоздились повсюду — одни были аккуратно расставлены на полках, другие без разбора свалены шаткими пирамидами в разных местах, некоторые просто валялись на полу и на столах, беспорядочно расставленных в тускло освещенном лабиринте.

— Сюда, — позвал его профессор, почти невидимый за книжными шкафами. Мальчик осторожно пробрался к нему, боясь из-за одного неверного движения уронить какую-нибудь пирамиду.

— Не робей. — Профессор сидел за большим столом, заваленным книгами, бумагой и конвертами. Профессор жестом велел мальчику сесть напротив. — Тебе не позволяли много читать, да? Но ты ведь хорошо говоришь по-английски?

— Я читал кое-что. — Мальчик с опаской сел, стараясь не задеть книги — путевые заметки Ричарда Хаклита, свален-

ные у его ног. — У нас было мало книг. И мне приходилось перечитывать имеющиеся.

Для человека, никогда в жизни не покидавшего Кантон, мальчик прекрасно владел английским. Он говорил лишь с легким акцентом. И все благодаря англичанке, мисс Элизабет Слейт, которую мальчик называл мисс Бетти: она жила с ними, сколько он помнил. Он никогда толком не понимал, что она делает у них дома, ведь его семья уж точно не обладала достатком, позволяющим нанимать прислугу, тем более иностранную, однако кто-то, видимо, платил ей жалованье, потому что она не ушла, даже когда началась эпидемия. Она сносно говорила на кантонском и могла без проблем перемещаться по городу, но с мальчиком общалась только по-английски. Ее единственные обязанности, похоже, заключались в заботе о нем, и мальчик начал свободно говорить по-английски благодаря разговорам с ней, а позже с английскими моряками в порту.

Читал он даже лучше, чем говорил. С тех пор как ему исполнилось четыре года, он дважды в год получал большие посылки с английскими книгами. В качестве обратного адреса стоял дом в Хампстеде, в ближайшем пригороде Лондона, и это место, похоже, было незнакомо мисс Бетти, как, разумеется, и мальчику. Тем не менее они с мисс Бетти, бывало, сидели при свечах, тщательно водя пальцами по каждому слову, которое произносили вслух. Став постарше, мальчик целыми днями просматривал истрепанные страницы. Но десятка книг не хватало на полгода: мальчик перечитывал каждую столько раз, что к прибытию новой посылки успевал почти заучить наизусть.

Теперь он понял, хотя и не вполне представляя себе общую картину, что посылки, вероятно, присылал профессор.

— Но мне очень нравится читать, — робко произнес он. А потом решил, что нужно еще кое-что добавить: — Да, я хорошо говорю по-английски.

— Прекрасно. — Профессор Ловелл взял с полки за своей спиной книгу и подвинул ее через стол. — Полагаю, эту ты не читал?